

© 2002 г.

ТА. ЧЕРНОВЕРСКАЯ ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛУИ АНТУАНА СЕН-ЖЮСТА (1767-1794)

Имя Луи Антуана Сен-Жюста для тех, кто хоть немного знаком с историей Великой французской революции, ассоциируется с образом якобинской диктатуры и в то же время с такими словами, как "загадка", "легенда".

Самый молодой из депутатов Конвента, он менее чем за год поднялся от полной неизвестности к вершинам власти, став фактически вторым человеком революционной Франции. Ближайший единомышленник и друг Максимилиана Робеспьера, пламенный революционер II года Республики, "апостол террора", рыцарь без страха и упрека, он вызывал у современников, как у друзей, так и у врагов, смешанное чувство восхищения и ужаса.

Сен-Жюст принадлежит к младшему поколению Французской революции, к тому поколению, которое по-настоящему заявило о себе лишь в годы Директории, Консульства и Империи. "Ровесниками Сен-Жюста были генералы Революции и маршалы Империи. В 1767 году родились Мюрат и Удино; в 1768 – Гош, Дезе, Мортье, Лористон; затем - Наполеон, Лан, Ней и другие"¹. Историки часто сравнивают Сен-Жюста с Наполеоном. Сравнивают не только потому, что они были почти ровесниками, не только из-за почти одинаково стремительного начала политической биографии, но и потому еще, что, пожалуй, лишь эти два человека обладали почти в равной мере качествами, необходимыми для политического и военного лидера. Нередко встречается утверждение, что Сен-Жюст был единственным, кто мог бы стать реальным соперником Наполеону, если бы нож гильотины не оборвал преждевременно его жизнь, единственным, кому "под силу было заставить меч трепетать перед законом", что "ни в чем звезда Наполеона не проявила в такой степени своей благосклонности к нему, как в том, что удалила с его пути Сен-Жюста"².

Легенда вокруг его имени начала складываться еще при жизни Сен-Жюста, и сам он в немалой степени способствовал этому. Как депутат Конвента, он не так уж часто появлялся на его трибуне, но почти каждый раз это становилось событием в истории революции. За 20 месяцев - от сделавшей его знаменитым первой речи о суде над королем 13 ноября 1792 г. до последней, которую ему не дали произнести 9 термидора II года (27 июля 1794 г.), - не более 20 выступлений. Однако редко кто из историков, пишущих о революции, не упомянул о его роли в процессе Людовика XVI и об обвинительных докладах против жирондистов, эбертистов, дантонистов (8 июля 1793, 23 вантоза и 11 жерминаля II года); с его именем неразрывно связаны важнейшие мероприятия якобинской диктатуры - установление революционного порядка управления, вантозские декреты, создание Бюро общей полиции (19 вандемьера,

---

Черновверская Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедрф всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета, специалист по истории Великой французской революции.

¹ *Salmonowicz St. Saint-Just - rewoluejonista romaniczny*. - Kwartalnik Historyczny, 1968, r. LXXV, № 2, z. 323.

² *Michelet J. Histoire de la Revolution Francaise*. Paris, 1847-1853 (цит. по изд.: Paris, 1977, t. II. p. 765, 989); *Ward R.S. Robespierre: a Study in Deterioration*. London, 1934, p. 145; *Korngold R. Saint-Just*. Paris, 1937, p. 12-13; *idem. Robespierre and the Fourth Estate*. New York, 1941, p. 212, etc.

Луи Антуан Сен-Жюст

8 и 13 вантоза. 26 жерминаля), а также исключительно успешные миссии и Рейнскую и Северную армии, немало способствовавшие военным победам Республики.³

Рисуя в докладах образ идеального революционера, портрет образцового комиссара при армии, настаивая на придании широкой гласности своим наиболее важным постановлениям во время миссии, Сен-Жюст побуждал п собственную жизнь соизмерять с заявленными образцами. Кажется, что и саму судьбу свою он выстраивал по образцу классической трагедии, где все подчинено гражданскому долгу...

Реальность сложнее и многообразнее легенды, при более внимательном рассмотрении деятельность Сен-Жюста в период Конвента не выглядит столь прямолинейно просто, путь же. проделанный им к 25 годам, и вовсе представляется извилистым и запутанным. Было бы упрощением рассматривать предконвентский период его деятельности как "лишь пролог, лишь подготовку к последним двум (годам. - *Т Ч.*), сверкающим и грозным"⁴. Но и понять по-настоящему Сен-Жюста - депутата Конвента

---

³ Немногочисленные в отечественной историографии работы о Сен-Жюсте и посвящены в первую очередь его деятельности в качестве депутата Конвента, главным образом в период якобинской диктатуры. См.: Захар Я.М. Сен-Жюст. Жизнь, деятельность, идеология. Пг., 1922; Серебрянская К.(Е.З.). Взгляды Сен-Жюста и их связи с философией XVIII века. - Труды МИФЛИ, т. 6. М., 1940, с. 188-224; Чупрун Н.И. Сен-Жюст, его революционная деятельность и идеология. (Автореф. канд. дисс.). Харьков, 1956; Левандовский А.П. Кавалер Сен-Жюст. Повесть о великом французском революционере. М., 1983, а также издание сочинений Сен-Жюста: Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. СПб., 1995.

⁴ Кирова К.Э. Сен-Жюст. - Революционно-исторический календарь-справочник. 1967. М., 1967. с 260.

и члена Комитета общественного спасения - можно лишь в контексте всей его предшествующей жизни.

В первые годы революции перед нами предстает очень внимательный наблюдатель, активно осваивавший современные социальные и политические теории, пытавшийся применить их для анализа общего положения в стране, переосмысливавший в связи с этим анализом сами теории. При всей жажде деятельности, он вынужден был пока довольствоваться весьма скромной ролью политика кантонального масштаба. С избранием в Конвент, с выходом на общенациональную политическую сцену в мировоззрении Сен-Жюста в течение семи-восьми месяцев произошел колоссальный качественный сдвиг. Теперь он стал человеком действия, чье мировосприятие оказывало все возрастающее влияние на судьбы революции и Республики. В то же время сформированный в предшествующие годы навык теоретического анализа явлений действительности позволил ему осмысливать их с большей глубиной и ясностью, чем большинству современников, видеть то, чего не замечали другие. Это редкое соединение в одном лице активного прагматического политика и серьезного теоретика придало особую ценность всему корпусу сочинений Сен-Жюста, позволяя исследователю через глубоко индивидуальный путь эволюции его мировоззрения проследить внутреннюю логику формирования основ государственной политики якобинской диктатуры.

Реконструкция процесса формирования и эволюции мировоззрения Сен-Жюста, его социально-политических и идеологических истоков затрудняется скудостью достоверных сведений о его жизни до избрания депутатом Конвента, а также фрагментарностью его литературного наследия того времени. Основу этого наследия составляют три большие текста - героико-комическая поэма "Органт", опубликованная в мае 1789 г., философско-политический трактат "Дух Революции и Конституции во Франции", выпущенный двумя годами позже, и еще один, незавершенный, "О Природе, о Гражданском состоянии, о Гражданской общине, или Правила независимости управления", работа над которым шла в течение следующего года. - а также несколько более мелких сочинений, датировка которых, как правило, нуждается в уточнении⁵.

За последние полвека благодаря публикации А. Собулем и М. Доманже⁶ неизвестных ранее документов, в результате самоотверженных изысканий М.А. Шармело и Б. Вино⁷ в местных архивах, в итоге анализа сочинений Сен-Жюста, проведенного М. Абансуром и С. Торжюссен⁸, наши знания о доконвентском периоде жизни и дея-

---

⁵ См.: Gross J.P. L'oeuvre de Saint-Just. Essai de bibliographie critique. - Actes du colloque Saint-Just (далее - Actes). Paris, 1968, p. 345-363; Черноверская Т.А. Формирование и эволюция мировоззрения Сен-Жюста. (Автореф. канд. дисс.). Томск, 1999, с. 4-5.

⁶ Soboul A. Les institutions republicaines de Saint-Just d'apres les manuscrits de la Bibliotheque Nationale. - Annales Historiques de la Revolution Fracaise (далее - AHRF), 1948, № 111, p. 193-262; *idem*. Notes inedit de Saint-Just. - AHRF, 1949, № 116, p. 289-293; *idem*. Un manuscrit inedit de Saint-Just. De la Nature, de l'Etat civil, de la Cite ou les Regles de l'Independence du Gouvernement. - AHRF, 1951, № 124, p. 321-359; *idem*. Sur la mission de Saint-Just a l'armee de Rhin (brumaire an II). - AHRF, 1954, № 136, p. 193-231, № 137, p. 298-337 (рус. пер.: Собуль А. Из истории Великой буржуазной революции 1789-1794 гг. и революции 1848 г. во Франции. М., 1960, с. 155-172, 287-371). См. также: *Saint-Just L.A.* Histoire du chateau de Coucy. Ed. M. Dommanget. - Societe d'histoire et d'archeologic de senlis. Comptes rendus et Memoires. Anees 1964-1966. Senlis, 1968, p. 99-139.

⁷ Charmelot M.A. Saint-Just ou le chevalier Organt. Paris, 1957; *idem*. Autour de Saint-Just: les habitants de Blerancourl de l'an IV. - AHRF, 1959, № 155, p. 61-75; *idem*. Autour de Saint-Just. - AHRF, 1966, № 183, p. 61-83; Vinot B. Les origines familiales de Saint-Just et son environnement sociale. - AHRF, 1982, № 248, p. 161-180; *idem*. Saint-Just. Paris, 1985.

⁸ Abensour M. La philosophie politique de Saint-Just. Problematiques et cadres sociaux. - AHRF, 1966, № 183, p. 1-32; № 186, p. 341-358; *idem*. La theorie des Institution et relation du legislateur et du peuple selon Saint-Just. - Actes, p. 239-290; Torjussen S. Saint-Just et ses biographes: mecanique d'un myth. - AHRF, 1979, № 236, p. 232-249; *idem*. "Arlequin Diogene" comedie en un acte de Saint-Just. - AHRF, 1979, № 237, p. 475-485; *idem*. Fonction de la creation litteraire dans revolution de la pensee de Saint-Just (d'Organt a de la Nature). - Pensee, 1980, № 215, p. 151-160.

тельности Сен-Жюста значительно расширились. Однако в отечественной историографии этот период до самого последнего времени почти не привлекал внимания исследователей: беглый обзор биографии - у Я.М. Захера; плодотворный анализ влияния идей Просвещения на политические взгляды Сен-Жюста, по существу оторванный от условий их формирования, - у К. Серебрянской; краткая характеристика "Духа Революции" с позиции развития его социально-экономических взглядов - у Н.И. Чуприна - вот почти и все, что можно найти в работах советских историков о предконвентском периоде его жизни и деятельности⁹.

Ни один из названных авторов не нарисовал целостной картины формирования и эволюции мировоззрения Сен-Жюста. Только изучение всех известных его сочинений как целого, в контексте тех обстоятельств, при которых они были написаны, может позволить подойти к пониманию того, "каким образом юный романтик, либертен и бездельник превратился в честолюбивого политика, каким образом от безграничного преклонения перед Конституцией 1791 г. он перешел к непреклонному республиканизму"¹⁰, каким образом принципиальный противник смертной казни стал одним из руководителей политики революционного террора, защитник принципа народного суверенитета - одним из лидеров и основателей диктаторского революционного правительства. А это в свою очередь могло бы помочь лучше разобраться в проблемах якобинской диктатуры, понять такое явление, как робеспьеризм.

ШЕВАЛЬЕ ОРГАНТ. ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ

Луи Антуан Сен-Жюст родился 25 августа 1767 г. в г. Десиз, провинция Ниверне, в самом центре Франции, в семье отставного офицера, выслужившегося из рядовых. Луи Жан де Сен-Жюст де Ришбур, не принадлежавший по рождению к дворянскому сословию, несмотря на аристократическое звучание имени, происходил из сельской семьи, давно уже возвысившейся над своими соседями: его дед, Шарль Адам де Сен-Жюст, оставаясь земледельцем, получил должность управляющего сеньории Аттиши, Пикардия; отец, Шарль де Сен-Жюст, управлял имением графа Брюне д'Эври по соседству, в Намселе, и арендовал у него же крупную ферму. Луи Жан был пятым сыном в семье и едва ли мог рассчитывать на сколько-нибудь значительную долю отцовского наследства. Вероятно, именно это и побудило его избрать военную карьеру, которая для представителя третьего сословия, если он не имел средств на покупку офицерского чина, была чрезвычайно трудной. Его жена, Мари Анн Робино, происходила из старой патрицианской семьи Десиза: ее отец и братья были королевскими нотариусами, дядья - священниками. В конце 1767 г. Луи Жан де Сен-Жюст вышел в отставку и перебрался вместе с женой к себе на родину в Пикардию, где унаследовал должность управляющего у графа Брюне. Однако окончательно семья обосновалась в Пикардии лишь в 1776 г., когда сбережения всей жизни и полученное наследство позволили Луи Жану приобрести дом в Блеранкуре и жить там на доходы от принадлежавшей ему земли и пенсию. Год спустя Луи Жан умер, оставив жену с тремя детьми - десятилетним сыном и двумя дочерьми - девяти и восьми лет.

Именно в Пикардии, в Блеранкуре, провел Луи Антуан де Сен-Жюст большую часть детства и юности. Здесь он сформировался как политический мыслитель и революционер. Социальные условия Пикардии и определили в значительной степени выбор учителей и учений, которым он отдавал предпочтение. Здесь Сен-Жюст увидел, что "там, где есть очень крупные собственники, мы видим одних лишь бед-

---

⁹ В статье Н.Ю. Плавинской "Сен-Жюст и Монтескье". (Из истории буржуазных революций нового времени. М., 1985, с. 63-78) вопрос ставится п несколько иной плоскости - трактат "Дух Революции и Конституции во Франции" рассматривается исключительно с точки зрения восприятия идей Монтескье п период революции.

¹⁰ *Soboul A. Pour retire et comprendre Saint-Just. - Actes, p. 5.*

ляков, в областях крупной культуры ничего не потребляют"¹¹. Ведь в Пикардии, с ее бескрайними равнинами и плодородной почвой ранее, чем в других областях Франции, сложилось крупное зерновое фермерское хозяйство капиталистического типа: ферма Петрон, которую его дед Шарль де Сен-Жюст арендовал у графа Брюне д'Эври, с ее 95 га земли, не только не была чем-то исключительным, но и значительно уступала расположенным по соседству фермам Каррьер (150 га). Лож (около 200 га) или Луар (более 288 га). Последняя находилась в руках Роже Лемуана, кузена Луи Жана де Сен-Жюста по матери и впоследствии опекуна его детей¹². Мелкие крестьянские хозяйства занимали здесь сравнительно незначительное место. Совершенно иную картину представляли низменные речные долины в бассейне Уазы, в частности, в районе Блеранкура, где более трети земель составляли болота, лесистые склоны и другие неудобья. Крупные фермы здесь были редки и не превышали 70-80 га, и от трети до половины обрабатываемой земли занимали мелкие крестьянские хозяйства, в которых скотоводство, в первую очередь овцеводство, оставалось существенным подспорьем для земледельца. В Блеранкуре, который был одной из самых бедных коммун байяжа Куси, социальные контрасты были значительно сглажены, крестьянская нужда несколько смягчена сохранявшими свое значение общинными распорядками¹³. В целом социальная среда Пикардии могла стать одновременно и "негативным", и "позитивным" источником формирования эгалитарного общественного идеала.

В 1777 г. Луи Антуана определили в коллеж Сен-Николя в Суассоне. Коллеж этот, основанный в середине XVII в. монахами-ораторианцами, не принадлежал, как парижский Луи-ле-Гран, где учился Робеспьер, к привилегированным. Как и в любом коллеже Франции того времени, в Сен-Никола основное внимание уделялось изучению риторики, древних языков и античной истории. Однако в отличие от иезуитских коллежей преподавание велось не на латыни, а на французском языке, довольно основательно изучались математика, география, отечественная история, изящные искусства. Да и вся система обучения у ораторианцев была более демократичной, чем у иезуитов. В годы, когда там учился Сен-Жюст, риторику в Сен-Никола преподавал будущий бабувист Сильви, логику - будущий член Конвента Пьер Дону, известный своими педагогическими идеями, а также активным участием в разработке Конституции III года Республики; учителем Сен-Жюста называют также Эва Демайю, одного из будущих лидеров республиканской оппозиции Наполеону. Коллеж имел неплохую по тем временам библиотеку, где были собраны не только разрешенные цензурой книги. Обладая отличной памятью, Луи Антуан, по-видимому, не слишком тяготился системой обучения, основанной на заучивании различных текстов¹⁴. Воспоминания современников, записанные более чем через полвека после гибели Сен-Жюста консервативным историком Э. Флэри, рисуют его сорванцом, с трудом подчинявшимся суровой дисциплине коллежа и в то же время учеником одаренным и трудолюбивым¹⁵.

Свидетельства современников и наиболее ранние из дошедших до нас сочинений Сен-Жюста показывают, что в середине 1780-х, в последние годы пребывания

---

¹¹ *Сен-Жюст Л. А.* Указ. соч., с. 294.

¹² *Vinot B.* Les engines..., p. 163.

¹³ *Ibid.*, p. 168-173; *Abensour M.* La philosophie politique..., p. 350-356.

¹⁴ *Manceron Cl.* Les hommes (ie la liberte. T. 4. La Revolution qui leve. Paris, 1979, p. 335-340; *Vinot B.* Saint-Just, p. 31-43. Среди бумаг Бертрана Барера, его коллеги по Комитету общественного спасения, хранился листок, исписанный им и Сен-Жюстом, вероятно, во время одного из заседаний Комитета, когда они были заняты меньше, чем обыкновенно; Барер и Сен-Жюст спорили о том, как следует работать с книгами, и Сен-Жюст категорически возражал против выписок, утверждая, что "если вас поразило изречение, мысль или еще что-то в книге, прочитайте раза два: вы это запомните" (*Barere B.* Memoires, t. 1. Paris, 1842. p. 129-130.) Вряд ли, следовательно, можно рассчитывать найти когда-нибудь иные следы работы Сен-Жюста с книгами, чем пометки на полях, - конспектов он, по-видимому, не делал.

¹⁵ *Fleury Ed.* Saint-Just et la terreur, t. 1-2. Paris, 1852; t. 1, p. 18-19.

в коллеже, для него особенно характерны, во-первых, вкус к тому роду литературы, который называют либертинажем и для которого свойственно сочетание фривольности с долей свободомыслия; и» во-вторых, несомненный интерес к истории своего края, древней Нейстрии, сердца раннефранкского государства.

"Историю замка Куси"¹⁶ Сен-Жюст писал, по-видимому, примерно тогда же, когда и первые песни поэмы "Органт", и одноактную комедию в стихах "Арлекин Диоген"¹⁷, т.е. около 1785 г. Вероятно, сам замысел этого сочинения возник из стремления доказать своим товарищам, в насмешку прозвавшим его "императором бурлеска", что он способен не только на сочинение легкомысленных стихов. В то время когда для передовых мыслителей история служила завуалированной формой критики существовавшего порядка вещей, средством доказать несправедливость его возникновения. Сен-Жюст целиком и полностью следовал за официальной, в первую очередь церковной историографией. Он описывал историю Куси и его сеньоров, если и не оправдывая, то во всяком случае объясняя жестокость этих последних духом времени, одобряя все их деяния во славу церкви и короля, в частности и беспощадное подавление народных восстаний. Ничто в этом сочинении не предвещало будущего "цареубийцу", будущего революционера. Конечно, можно было бы предположить, что мы имеем дело с обычным школьным сочинением, написанным в соответствии с требованиями отцов-ораторианцев¹⁸, и не придавать ему значения при рассмотрении процесса формирования мировоззрения Сен-Жюста.

Но ни в комедии "Арлекин Диоген", представляющей собой изящный пустячок в духе итальянских комедий Мариво, ни в первых шести песнях "Органта", написанных в жанре героико-комической рыцарской поэмы¹⁹, где мы встречаем Карла Великого и его придворное окружение, видим военные подвиги и любовные приключения, мы не найдем ни малейшего намека на критику современного автору общества, присущую последующим песням²⁰. Сюжет и действующие лица поэмы, вплоть до главного героя - Антуана Органта, имеющего автобиографические черты, почерпнуты из хроники бенедиктинца Матьё Пари²¹. Добиваясь легкости и изящества, свойственных дворянской молодежи, не рассчитывал ли автор сблизиться с нею при помощи своей книги? Ничто в этой части поэмы не напоминает недовольства простолюдина своим неполноправным положением в разделенном на сословия обществе. Скорее, наоборот: и первые песни "Органта", и тем более история замка Куси оправдывают закономерность появления и необходимость существования дворянского сословия.

Дело в том, что результатом долгой и мучительной военной карьеры Луи Жана де Сен-Жюста стало не только получение чина капитана и ордена Святого Людовика, но и приобретение дворянского достоинства²². Этот традиционный

---

¹⁶ *Saint-Just L.A. Histoire du chateau de Coucy. - Saint-Just L.A. Oeuvres completes. Ed. M. Duval. Paris, 1984, p. 11-47. Об этом сочинении см.: Dommanget M. Un manuscrit de Saint-Just: sa monographie du chateau de Coucy. - Dommanget M. Saint-Just. Paris, 1971, p. 29-58.*

¹⁷ Комедия "Арлекин Диоген" (см. Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, вып. 7. М., 2001, с. 340-375) является, по-видимому, наиболее ранним из завершённых литературных произведений Сен-Жюста - она написана не позднее 1784 г. См.: *Черноверская Т.А. Самое раннее сочинение Сен-Жюста: "Арлекин Диоген". - Там же, с. 336-339.*

¹⁸ *Dommanget M. Saint-Just. p. 31-58.* Морис Доманже обратил внимание на то, что Сен-Жюст работал над историей замка Куси в то же самое время, когда по соседству Бабёф в качестве февдиста занимался описью сеньорий. Но Бабёфа эта работа уже тогда приводит к постановке вопроса о природе неравенства в обществе. См.: *Бабёф Г. Сочинения, т. 1. М., 1975; Далин В.М. Гракх Бабёф накануне и во время Великой французской революции. М., 1963, гл. III.*

¹⁹ О жанре героико-комической поэмы, например, см, *Мокульский С.С. Вольтер и "Орлеанская девственница". - Вольтер Ф.М. Орлеанская девственница. М. - Л., 1935, с. 51-57.*

²⁰ *Torjussen S. Function..., p. 152-157.*

²¹ *Manceron Cl. Op. cil. p. 341.*

²² Сен-Жюсты платили только налог на прислугу. - *Vinot B. Les engines.... p. 166.*

путь аноблирования, связанный с происхождением и функциями дворянства как военного сословия, стал к середине XVIII в. крайне редким²³, и юный Луи Антуан имел все основания гордиться своим дворянством, полученным по праву, а не купленным за деньги. Быть может, этим и объясняется та серьезность, с которой он относился в пору ранней юности к новому для его семьи социальному статусу. На деле же, оторвавшись от своего круга и не примкнув к новому, он оказался почти в полной изоляции. В этом ему пришлось очень скоро убедиться²⁴.

Первое юношеское чувство оказалось неожиданно сильным и глубоким. Терезе Желе было 15 лет, Антуану - почти на год меньше. Они любили друг друга. Он часто приезжал домой из Суассона. Вероятно, в конце 1785 или начале 1786 г., незадолго до окончания коллежа, он сделал предложение руки и сердца любимой - и получил отказ ее отца, нотариуса Антуана Желе. Более того, удалив Антуана из Блеранкура, Терезу спешно выдали замуж за сына второго блеранкурского нотариуса Франсуа Эрманюэля Торена.

Этот год стал переломным для Луи Антуана. После замужества Терезы он не в силах был оставаться в Блеранкуре. Поставленный перед необходимостью определить по окончании коллежа род будущей деятельности, он, по-видимому, решил, что единственно достойной дворянина является служба в королевской гвардии²⁵. Но для этого требовались немалые средства, а мать, мечтавшая о духовной или в крайнем случае юридической карьере для единственного сына, не желала тратить деньги*и на то, что считала пустой затеей. В отчаянии Антуан, собрав подвернувшиеся под руку серебряные вещи, бежал в Париж, где примерно три недели спустя был по просьбе матери арестован и заключен на основании "lettre de cachet"²⁶ в исправительный пансион Мари де Сен-Колон²⁷.

Продолжительный вынужденный досуг заставил Антуана о многом задуматься. Прежде всего, почему Желе ему отказал? Он слишком молод? Но его счастливый соперник лишь на полтора года старше. Он недостаточно богат для Терезы? У него неподходящая репутация? Или причина в чем-то ином? Как бы то ни было, он оказался отторгнут верхушкой третьего сословия Блеранкура. Не состоялась и попытка сблизиться с дворянским сословием путем вступления в королевскую гвардию. Теперь он арестован, заключен без суда и следствия. А за что? Преступления он не совершил, поскольку, являясь законным наследником своего отца, по достижении совершеннолетия должен был стать владельцем всего имущества²⁸. Полгода, проведенные в пансионе де Сен-Колон, стали переломными. В одно и то же время ему суждено было пережить глубочайшую личную драму и впервые в жизни ощутить себя жертвой социальной несправедливости. Не в это ли время появляются в "Органте" первые сатирические строки?

Вероятно, тогда же он остановил свой выбор на юриспруденции, полагая, что этот род занятий оставит достаточно досуга для занятий литературных: по выходе на свободу он поступил в качестве второго клерка к суассонскому прокурору Дюбуа-Дешарму. В октябре 1787 г. его имя впервые фигурировало в экзаменационных лис-

---

²³ О практике приобретения дворянского достоинства в XVIII в. см. *Пименова Л. А.* Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986, гл. 1.

²⁴ Бернар Вино говорит о Сен-Жюсте как о "социальном мутанте" (*Vinot B. Les origines...*, p. 179.) В этом нетрудно усмотреть еще один элемент сходства между Сен-Жюстом и Наполеоном - тот и другой принадлежали к так называемым маргинальным группам: оба формально принадлежали к дворянскому сословию, но дворянство у обоих было неполноценное - у одного новоприобретенное, у другого корсиканское.

²⁵ *Vatel Ch. Charlotte Corday et les Girondins*, t. 1. Paris, 1864, p. CXLVII-CL (Interrogatoire).

²⁶ "Lettre de cachet" - открытый лист, содержащий приказ об аресте с подписью и печатью короля, позволявший заключить человека в тюрьму и содержать там без суда и предъявления обвинения. Отменены революцией.

²⁷ *Gross J.P. Deux lettres de Saint-Just relatives a sa detention a Picpus en 1786.* - AHRF, 1962, №168, p. 218-223.

²⁸ *Vatel Ch. Op. cit.*, p. CLIII.

тах юридического факультета Реймского университета, а уже в апреле 1788 г. Луи Антуан сдал экзамен на звание лиценциата прав²⁹. Не воспользовался ли он сословной привилегией, позволявшей дворянам сокращать срок обучения в университете?³⁰

Не известно, чем занимался он в течение следующего года, но, вероятно, именно в это время он начал особенно внимательно наблюдать за жизнью окружающих его людей. А увидеть в тот год можно было многое. Уже в "Органте", в песне XVI, появляются такие строки:

Рукою немощной, иссушенной нуждой.
Напрасно пахарь разрывает землю;
Вернется вечером, и страшное отчаяние
Сойдет в его печальное жилище:
Он встретит безутешную жену.
Нашу хижину, скажет она, ограбили.
Кто ж сделал это? - спросит в ужасе супруг:
Кто ж сделал это? Кто же допустил? - Король!³¹

13 июля 1788 г. над рядом районов Пикардии, в частности и над Блеранкуром, пронеслась буря с градом, уничтожившая до двух третей урожая. Зима выдалась на редкость суровая. Смертность возросла почти вдвое³². Память об этом тяжелом годе, когда он, по словам его друга Пьера Гато, отправлялся "пешком, в непогоду", чтобы отдать 'делу защиты обездоленных и угнетенных свои заботы, свое красноречие, свое состояние и самую жизнь"³³, сохранились не только в "Органте", но и в более поздних сочинениях Сен-Жюста. В эту страшную зиму он увидел не только бедствия. "Бедствия и взаимная помощь соединили сердца", - писал он два года спустя в "Духе Революции и Конституции во Франции"³⁴.

Объявленный в августе 1788 г. созыв Генеральных штатов всколыхнул общественную жизнь провинции. Вероятно, именно это побудило Сен-Жюста завершить наконец поэму, придав ей большую политическую остроту. При сохранении верности жанру героико-комической поэмы, в последних 14 песнях преобладали резкие нападки на пороки современного общества, на религию и церковь, на короля, королеву и саму королевскую власть - но в нападках этих было больше стремления эпатировать читателя, чем осмысленной убежденности. Впрочем, в других местах он по-настоящему серьезен, но и в критике существовавшего порядка, и в попытках "построить красивую химеру", и даже тогда, когда он подвергал сомнению такую неизменную ценность Просвещения, как Разум, Сен-Жюст в основном повторял общие места своих учителей, хотя и пропустив их через личный жизненный опыт. Особенно велико в поэме влияние "Орлеанской девственницы" Вольтера, которой молодой автор откровенно подражает, весьма фамильярно называя ее создателя Аруэ. Однако XVI песнь поэмы по духу была гораздо ближе идеям демократического крыла французского Просвещения.

---

²⁹ Laurent G. La faculte de droit de Reims et la Revolution. - AHRF, 1929, № 34, p. 350-351.

³⁰ На эту привилегию указывает Я.А. Пименова (Указ. соч., с. 29); обращает на себя внимание одворянивание имени теми, кто столь же стремительно получал диплом в Реймсе - Ролан де ла Платьер, Бриссо де Варвиль, д'Антон. Впрочем, со слов Бриссо известно, что здесь диплом можно было и просто купить. С другой стороны М.А. Шармело и Б. Вино высказывают сомнение в том, что Сен-Жюст сдал экзамен на звание лиценциата прав - в экзаменационных листах, на которые ссылается Г. Лоран, имена указаны очень нечетко. - *Charmelot M.A. Saint-Just ou le chevalier Organt*, p. 38; *Vino: B. Saim-Just*, p. 57-59. В то же время Ш. Веллэ определенно говорит о нем как о человеке, обладающем этим званием: *Sain-Jusi L.A. Oeuvres completes. Ed. Ch. Vellay*, t. I, p. 22 note.

³¹ Saint-Just L.A. Oeuvres completes. Ed. Ch. Vellay, t. I, p. 170.

³² Dommanget M. Saint-Just, p. 92; Vinot B. Les origines..., p. 171.

³³ Saint-Just L.A. Oeuvres completes. Ed. Ch. Vellay, t. I, p. XI (Introduction).

³⁴ Сен-Жюст Л.А. Указ. соч., с. 187.

В том виде, в каком она была опубликована, поэма воспринимается как своего рода бунт против существовавшего порядка, бунт юноши, неожиданно испытавшего на себе несправедливость этого порядка. Но энергия этого бунта - энергия Преимущественно разрушительная, и резкость сатиры, и злость в нападках на власти предержащие объясняется не в последнюю очередь именно отсутствием у него перспективы. Однако факт публикации поэмы к открытию Генеральных штатов, придание ей политической заостренности, создание первых политических памфлетов ("Диалог г-на Д. с автором поэмы "Органт" и "Разум в морге"³⁵) свидетельствуют, что, несмотря на пессимизм, Сен-Жюст, быть может, сам этого еще не сознавая, уже тогда внутренне готовил себя к активному участию в политической борьбе. Но, вступив на этот путь, он настолько полно отказывался от прежних образцов, что даже имени Вольтера ни разу не упоминал в более поздних политических сочинениях.

Поэма была опубликована в конце мая 1789 г. Не обладая большими литературными достоинствами, она содержала резкую критику существовавшего порядка, неприкрытые намеки на события последних лет, не делавшие чести королевскому дому, а также любовные сцены, чересчур вольные. Того и другого было достаточно, чтобы возбудить преследования против книги и ее автора, хотя поэма и была издана анонимно. 10 июня 1789 г. парижская полиция приступила к разысканию и изъятию поэмы, но безрезультатно. Сен-Жюсту могло угрожать заключение в Бастилию, и, поскольку в большом городе труднее найти человека, чем в провинциальном местечке, он укрылся у одного из друзей семьи в Париже³⁶.

ПОЛИТИК КАНТОНАЛЬНОГО МАСШТАБА

Падение Бастилии - а некоторые строки "Духа Революции" заставляют предположить, что он был очевидцем этого события, - произвело на Сен-Жюста двойственное впечатление. Означая прежде всего крушение деспотизма, который был, по его собственным словам, "не чем иным, как пугалом для рабов", оно его самого избавило от угрозы ареста. Но увидев, как "народ насаживал на пики головы особ самых ненавистных, вырывал их сердца и поедал их", он испытал серьезнейшее потрясение, - вид насаженных на пики голов Бертье, Фулона и других напомнил Сен-Жюсту историю Древнего Рима, где "убийство некоторых тиранов совершалось как своего рода религиозный акт"³⁷.

Пребывание в Париже бурным летом 1789 г., посещение заседаний Национального собрания и Якобинского клуба, знакомство с рядом политических деятелей, в частности с Камиллом Демуленом, открыли для Сен-Жюста новую сферу деятельности, новые возможности заявить о себе.

В июле-августе 1789 г. по стране прокатилась волна так называемых "муниципальных революций" - повсеместно старые власти, связанные с сеньориальным управлением, смещались и заменялись новыми выборными муниципалитетами. Одновременно в большей части коммун создавались отряды Национальной гвардии. Установление 15 января 1790 г. нового административного деления Франции - страна была разделена на 83 более или менее равных по площади и населению департамента, которые в свою очередь делились на дистрикты, кантоны и коммуны, - не только создало 44 тыс. новых муниципалитетов, но и способствовало значительной их демократизации. Хотя в эти структуры допускались главным образом активные граждане, и Национальная гвардия, и муниципальные выборы, и сама муниципальная деятельность для многих стали прекрасной школой политической борьбы³⁸.

³⁵ *Saint-Just L.A. Dialogue entre M.D. et l'auteur d'Organt - Vinot B. Saint-Just, p. 175-177; Saint-Just L.A. La Raison a la morne. - AHRF, 1991, № 284, p. 234-235.*

³⁶ *Vellay Ch. Les poursuites contre "Organt". - Revue Bleu, 1907, t. VIII, № 6, p. 186-187; Barere B. Memoires, t. 4. Bruxelles - Leipzig, 1844, p. 374.*

³⁷ *Сен-Жюст Л. А. Указ. соч., с. 185.*

³⁸ *Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983, с. 68-69, 82-83.*

В Блеранкур Луи Антуан возвратился осенью 1789 г. пламенным защитником идей революция и в течение года стал заметной фигурой в политической жизни дистрикта Шони. Не достигнув требуемого по закону 25-летнего возраста, он не мог быть избран членом Блеран курского муниципалитета, но происшедшее в начале февраля обновление его состава, исключившее отсюда представителей сеньориальной администрации, в частности Антуана Желе (как и повсюду во Франции, политическая борьба переплеталась здесь с соперничеством личных интересов), избрание мэром Блеранкура Луи Оноре, старого зажиточного крестьянина-собственника, а секретарем - Пьера Тюийте, предоставили в распоряжение Сек-Жюста муниципальную трибуну. Он получил возможность действовать через муниципалитет, оказывать влияние на его решения. В апреле 1790 г. граждане Блеранкура делегировали Сен-Жюста на департаментское собрание в Шони, где решался вопрос, какому городу быть административным центром департамента Эна: Суассону или Лану. Выбор пал на последний³⁹. А в середине мая Сен-Жюст стал инициатором и героем патриотической манифестации, сообщение о которой в виде адреса Блеранкурской коммуны было по постановлению Учредительного собрания отпечатано для рассылки по всем коммуна́м Франции. Получив для распространения три десятка экземпляров листовки-памфлета, направленной против декрета Национального собрания о гражданском устройстве духовенства и подписанной несколькими депутатами этого собрания, он добился созыва муниципалитета для публичного осуждения памфлета. Муниципалитет постановил сжечь его, и Сен-Жюст театральным жестом, заставлявшим вспомнить о Муции Сцеволе - держа руку над пламенем, "произнес клятву умереть за отечество и Национальное собрание и скорее погибнуть в огне, как это сочинение, чем забыть свою клятву". На его земляков это произвело большое впечатление⁴⁰.

В качестве заместителя командира Национальной гвардии Блеранкура Сен-Жюст принимал участие в создании ее отрядов в тех коммуна́х, где их еще не было, выступал в своем кантоне инициатором движения федерации, движения за единение революционных коммун, и в результате был избран почетным командиром отряда Национальной гвардии кантона, делегированного на Национальный праздник Федерации, который состоялся в Париже 14 июля 1790 г.⁴¹

Месяц спустя он написал свое первое письмо Максимилиану Робеспьеру, положившее начало их великой и трагической дружбе. В нем шла речь о петиции в защиту открытых рынков Блеранкура, на которые в первую пятницу каждого месяца стогналось от 20 до 30 тыс. голов овец. Для местечка, где большая часть населения в зависимости от сезона делила время между сельским хозяйством и ткацким ремеслом (сезонной работой в рассеянной мануфактуре), эти рынки имели жизненно важное значение. Добиваясь сохранения рынков, Сен-Жюст предлагал, если необходимо, присоединить "свое наследственное имущество к национальным имуществам кантона"⁴². Трудно сказать, сыграла ли какую-то роль петиция Сен-Жюста, до настоящего времени не обнаруженная, или проект перенесения этих рынков в Куси оказался не более чем ложным слухом, но они существовали в Блеранкуре вплоть до середины XIX в., когда были перенесены в Ла Фер⁴³.

Неизвестно, как ответил Робеспьер на это письмо, но он его сохранил – после Термидора письмо было найдено в бумагах Робеспьера.

---

³⁹ *Vellay Ch. Premières luttes politiques (1790-1792)*. - *Revue de Paris*, 1906, t. 5, p. 828-829. Сохранился текст речи Сен-Жюста на этом собрании - он выступил в пользу Суассона (*Saunt-Just L.A. Oeuvres completes*. Ed. Ch. Vellay, t. 1, p. 217-219), а также письмо Демулену, написанное несколько дней спустя (с. 352-353).

⁴⁰ *Hamel E. Histoire de Saint-Just*. Paris, 1859, p. 64-65.

⁴¹ Наиболее полное представление о деятельности Сен-Жюста на этом поприще дает исследование Бернара Вино: *Vinot B. Saint-Just*, p. 89-94. См. также: *Vellay Ch. Premières luttes...*, p. 826-827, etc.; *idem. Saint-Just en 1790*. - *Revue Historiques de la Revolution Francaise*, t. 2, p. 378-389.

⁴² *Робеспьер М.* Переписка Робеспьера. Л., 1929, с. 86.

⁴³ *Vellay Ch. Saint-Just en 1790*, p. 385-386; *Dommanget M. Saint-Just*, p. 95-96; *Vinot B. Saint-Just*, p. 103-105, 127-130.

Среди требований, выдвигавшихся французским крестьянством в первые годы революции, одним из важнейших было требование вернуть общинам земли, отторгнутые сеньорами в результате триажа⁴⁴. Декрет Учредительного собрания от 15-28 марта 1790 г. отменял право триажа на будущее время, к общины должны были вернуть себе земли, присвоенные сеньорами за последние три десятилетия в нарушение эдикта 1669 г. Еще ранее коммуны получили разрешение обжаловать через суд незаконные узурпации общинных земель⁴⁵. Воспользовавшись этим правом, Блеранкурская коммуна обратилась в начале июля 1790 г. к администрации дистрикта Шони для разрешения земельных споров со сьером Грене. От имени Грене выступал его управляющий, нотариус Антуан Желе, представителем и защитником интересов своих сограждан был избран Сен-Жюст как лицензиат прав. Переговоры между ними начались лишь в октябре, и поскольку на первых порах речь шла прежде всего об определении границ земельных владений, создавалась иллюзия, что можно довольно легко достигнуть договоренности "благодаря доброте сердца сьера Грене", как сообщал Сен-Жюст 17 октября 1790 г. своим доверителям⁴⁶. На деле процесс затянулся надолго, и год спустя тон Сен-Жюста совершенно переменялся. Пока же первые успехи революции в центре и на местах настраивали его, как и большинство современников, на умеренность и оптимизм.

Этими же чувствами проникнут и написанный Сен-Жюстом осенью - зимой 1790 г. и опубликованный в Париже в июне 1791 г. философско-политический трактат "Дух Революции и Конституции во Франции". Либертизм как форма оппозиционного поведения сменился серьезностью молодого политика, ощущавшего в себе призвание быть законодателем. По его собственным словам, идею этой книги подал автору некий англичанин, откликнувшийся на опубликованный Учредительным собранием адрес Блеранкурской коммуны⁴⁷. Работая над трактатом, Сен-Жюст в погожие дни прохаживался большими шагами вдоль грабовой аллеи, где на равном расстоянии один от другого были расставлены три стола с письменными принадлежностями, и, сформулировав какую-то идею, присаживался к ближайшему из них, чтобы записать, а вечером собирал вместе все листы и приводил в порядок⁴⁸. Возможно, это всего лишь легенда, но она точно отражает стилистические особенности "Духа Революции", как, впрочем, и большинства других сочинений Сен-Жюста - чеканная афористичность формулировок, далеко не всегда логически связанных между собою. Эти стилистические особенности еще более подчеркивают близость "Духа Революции" с "Духом Законов" Монтескье: автор, несомненно, находился под большим впечатлением от этого сочинения, о чем свидетельствуют и название, и эпиграф, и композиция, и самое главное - основные идеи книги⁴⁹.

Это представляется вполне естественным: политическая теория Монтескье занимала господствующее положение в политико-правовой мысли французского Просвещения со времени первой публикации "Духа Законов" в 1748 г. Теория Монтескье принималась полностью, развивалась далее или оспаривалась, но почти всегда в рамках системы понятий, введенных в "Духе Законов", Теория эта использовалась и для обоснования более радикальных, демократических систем. Хотя Монтескье провозглашал наилучшей формой правления конституционную монархию английского типа, основанную на принципе равновесия законодательной и исполнительной властей

---

⁴⁴ "Триаж" - согласно эдикту 1669 г. сеньор получал при разделе общинных земель третью часть (осуществлял триаж). Сеньоры зачастую злоупотребляли этим правом, в частности, проводя триаж повторно, в результате чего в их руках оказалось до половины общинных земель и более.

⁴⁵ См.: *Адо А.В.* Крестьянское движение Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. М., 1971, с. 188.

⁴⁶ *Saint-Just L.A.* Oeuvres complètes. Ed. *Ch. Vellay*, t. I, p. 225-229; *Vellay Ch.* Saint-Just en 1790, p. 386-389.

⁴⁷ *Сен-Жюст Л.А.* Указ. соч., с. 181.

⁴⁸ *Vellay Ch.* *Premières luttes...*, p. 820.

⁴⁹ *Levi L.* Saint-Just, était-il un disciple de Robespierre. - *La Revolution Francaise*, 1919, № 72, p. 387-415; Плавинская Н.Ю. Указ. соч.

при весьма широких полномочиях последней, он не скрывал симпатий и к республиканской форме правления. При этом постоянно подчеркивал, что ее существование, основанное на принципе добродетели (гражданской доблести), возможно лишь при условии большего или меньшего имущественного поравнения. Эта идея стала распространенной в политической мысли Франции XVIII в. - от Монтескье до Руссо.

Но Сен-Жюст опирался на политическую теорию Монтескье, обосновывая свою поддержку Конституции, над которой в это время работало Учредительное собрание. Он не только признавал правомерность и необходимость конституционной монархии во Франции - правда, в "Духе Революции", как и в Конституции 1791 г., суверенитет народа резко ограничивает власть монарха, делая его положение более всего похожим на положение президента США, а саму форму правления - близкой к республиканской⁵⁰. Сен-Жюст принимал и цензовую систему избирательного права с ее делением граждан на "активных" и "пассивных": "Все равным образом участвуют в осуществлении суверенитета через одинаковые условия налога, который определяет избирательное право; все могут избирать, но не все могут быть избранными". Он категорически отвергал саму идею имущественного равенства, утверждая, что "то равенство, которое установил Ликург, разделивший земли, выдававший замуж бесприданниц, повелевший всем вкушать пищу совместно и облачаться в одинаковые одежды - это относительное равенство, подобающее благодетельной республиканской бедности, во Франции привело бы к мятежу или к всеобщей лени". Однако Сен-Жюст отказывался признать собственность естественным правом: "Можно ли поверить, что человек настолько удалился от того чудесного бескорыстия, которое, как кажется, является общественным законом природы, - настолько, чтобы возвеличить эту жалкую собственность, дав ей имя естественного закона? Нам дано лишь временное существование под этим небом; разве не научила нас смерть, что земля не только не принадлежит нам, но, напротив, наш жалкий прах принадлежит ей"⁵¹.

Более внимательное прочтение трактата позволяет заметить, что Сен-Жюст не только соглашался с автором "Духа Законов", но и полемизировал с ним. Рассуждения велись в основном на языке "Духа Законов", что подчеркивалось и стилистическими особенностями "Духа Революции", однако подвижность, нестабильность в употреблении некоторых системообразующих терминов, таких, как "суверен", "республика" и другие, свидетельствовало, что, увлекаясь политической теорией Монтескье, используя ее для анализа современного положения Франции, Сен-Жюст уже в это время пытался по-своему ее интерпретировать, привлекая иные социально-политические учения. И в способе его рассуждений о конкретных проблемах революции нередко можно заметить воспроизведение диалектики рассуждений Руссо.

Политическая умеренность "Духа Революции и Конституции во Франции" столь резко отличает это сочинение и от антимонархических выпадов "Органта" ("трон - это всего лишь чурбан, на который каждый может воссесть"⁵²), и от его речей, произнесенных позднее с трибуны Конвента, когда он говорил, что "невозможно

---

⁵⁰ Серебрянская К.(Е.З.) Указ. соч., с. 204; Ланда С.С. "Дух революционных преобразований..." - Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816-1825. М., 1975, с. 133-134; Черноверская Т.А. Проблема "республиканской монархии" в политической мысли Франции в первые годы Великой французской революции. - Монархия и ее роль в истории. Тезисы межвузовской научной конференций. Омск, 1995, с. 19-21.

⁵¹ Сен-Жюст Л. А. Указ. соч., с. 196, 192, 223. Сен-Жюст, которому во время написания этой книги было лишь 23 года, обосновывает и уровень возрастного ценза в 25 лет: не следует упускать из виду его стремление быть избранным в Законодательное собрание, но не следует и преувеличивать влияние этого стремления на содержание "Духа Революции", как это делает Б. Вино (*Vinot B. Sainl-Just*, p. 112-116), тем более что о новых выборах было официально объявлено лишь в конце мая 1791 г., когда работа над трактатом была уже завершена.

⁵² *Saint-Just L.A. Oeuvres completes. Ed. Ch. Vellay, t. I, p. 131.*

царствовать и не быть виновным"⁵³, что даже враждебный Сен-Жюсту Э. Флёра назвал эту книгу "шедевром разума по сравнению с тем, что было им написано до и после нее", утверждая, что она полностью выпадает из логики развития его мысли⁵⁴.

Это было связано не только с общим упоением первыми успехами революции. Политическую сатиру "Органта" следует рассматривать как своего рода бунт молодого человека, неожиданно испытавшего на себе несправедливость существующего порядка. Революция открыла перед Сен-Жюстом новые перспективы легальной деятельности, а ее успехи создали иллюзию возможности добровольного отказа привилегированных от своих привилегий и построения царства разума и справедливости, о котором мечтали просветители, вполне законным путем. Отсюда — умеренность и оптимизм "Духа Резолюции", отсюда - обращения к политической теории Монтескье. Однако не следует преувеличивать влияние Монтескье на Сен-Жюста даже в этот ранний период: подчеркнув преемственность своего сочинения по отношению к "Духу Законов", он пытался применить это учение к анализу современного положения Франции, соединяя при этом теорию разделения властей с учением Руссо о народном суверенитете и общей воле. Правда, пока Сен-Жюст лишь отчасти сумел освоить диалектику этого учения. Так, рассматривая общую волю как механическую сумму всех частных волей, он вынужден был оговориться, что она действительна только в том случае, если разумна и добродетельна, ибо "было бы злоупотреблением буквою закона, если бы мы сочли, что сопротивление нескольких негодяев является частью общей воли"⁵⁵, в то время как для Руссо общая воля не только не совпадает с волею всех, но и находится в противоречии и с нею, и с каждой частною волей⁵⁶.

ПОИСК СОБСТВЕННОГО ПУТИ

Прием, оказанный парижскими политиками этой книге, подписанной "Луи Леон де Сен-Жюст, выборщик департамента Эна от кантона Блеранкур дистрикта Шони", тираж которой, по словам Б. Барера, был раскуплен в считанные дни⁵⁷, казалось, позволял надеяться, что политическая зрелость автора заставит забыть о его еще слишком юном для депутата возрасте и откроет ему дорогу в Законодательное собрание. Выборы в него были назначены на июнь 1791 г. Между тем вопрос о неизбираемости Луи Антуана Сен-Жюста, которому еще далеко было до определенных законом 25 лет, ставился его политическими противниками, в первую очередь Желе, неоднократно. Политическое влияние и популярность Сен-Жюста в кантоне и в дистрикте позволяли до некоторых пор обходить это препятствие, однако во время первичного собрания избирателей Блеранкура Желе удалось представить документальные доказательства своей правоты. К нему опять не прислушались, изгнав из собрания и избрав Сен-Жюста своим выборщиком. Но директория дистрикта Шони, не отменив решения кантонального собрания, отказалась и утвердить его, оставив дело на рассмотрение собрания выборщиков департамента. Надежды на избрание депутатом почти не оставалось. В начале сентября решением собрания выборщиков департамента Эна мандат Сен-Жюста был аннулирован, а сам он удален из зала заседаний⁵⁸.

Эта политическая неудача была воспринята Сен-Жюстом как катастрофа всей жизни: до следующей легислатуры нужно было ждать еще два года. По времени она

---

⁵³ Сен-Жюст Л.А. Указ. соч., с. 13.

⁵⁴ Fleury Ed. Op. cit., t 1, p. 113.

⁵⁵ Сен-Жюст Л.А. Указ. соч., с. 249.

⁵⁶ Серебрянская К. Указ. соч., с. 204-205; Soboul A. Introd à: Saint-Just L.A. Discours et rapports. Paris, 1977. p. 13.

⁵⁷ Barère B. Op. cit., p. 374

⁵⁸ Все перипетии этой предвыборной борьбы впервые достаточно полно исследовал и описал Б. Вино: Vinot B. Saint-Just, p. 115-126

почти совпала с событиями, глубоко изменившими соотношение политических сил в стране: 22 июня 1791 г. в местечке Варенн, неподалеку от восточных границ Франции, был задержан и возвращен в Париж король Людовик XVI, пытавшийся бежать с семьей из страны, а 17 июля в Париже, на Марсовом поле по приказу мэра Байи Национальной гвардией была расстреляна мирная манифестация парижан, собравшихся для подписания петиции Национальному собранию с требованием низложения короля.

Именно в это время произошел новый перелом в мировоззрении Сен-Жюста. Большое значение для него имела наряду с уже отмеченными обстоятельствами подготовка к судебному процессу Блеранкурской коммуны против сьера Грене. Начать процесс было решено после того, как стало ясно, что договориться мирно невозможно. В "Мемуаре", составленном Сен-Жюстом от имени граждан Блеранкурской коммуны, тон по отношению к Грене становился резким и угрожающим. Но особенно важно то, что детальное и глубокое изучение тех изменений, которые происходили в отношениях между общиной и сеньорами на протяжении более чем двух столетий, позволили Сен-Жюсту не только увидеть связь между сокращением общинных земель и уменьшением стад, которое, в частности, наблюдалось в течение последних 20 лет, приводя к ухудшению общего положения крестьян, но и понять значимость общинного землевладения и общинных распоряжений⁵⁹.

С осени 1791 г. начался для него переход от деятельного сочувствия соседям-земледельцам к стремлению понять причины общественного неравенства и найти способы его устранения. Между сентябрем 1791 и августом 1792 г. Сен-Жюст работал над новым философско-политическим трактатом "О Природе, о Гражданском состоянии, о Гражданской общине, или Правила независимости управления", который так и остался незавершенным. Написана была, если судить по оглавлению, примерно половина трактата, и потому невозможно в полной мере представить, как изменилась по сравнению с "Духом Революции" система его взглядов в целом, но и то, что дошло до нас, позволяет сделать некоторые наблюдения.

В отличие от Максимилиана Робеспьера, для которого Руссо был если и не единственным, то безусловно преобладающим авторитетом в политической философии, в формировании мировоззрения Сен-Жюста не меньшую роль играли и другие политические писатели XVIII в. При этом можно проследить, как от сочинения к сочинению меняется не только выбор "учителей", но и отношение к их учениям. В антицерковной критике "Органта" Сен-Жюст следовал за Вольтером, в социальной и политической - частично за более радикальными мыслителями Просвещения, в частности Руссо, но при этом в основном повторял общие места, не внося ничего своего. В "Духе Революции" он пытался применить учение Монтескье к анализу политического положения Франции в конце 1790 г., соединив при этом его учение о разделении властей с учением Руссо о народном суверенитете и общей воле, порою по-своему их интерпретируя. В сочинении "О Природе, о Гражданском состоянии..." Сен-Жюст уже совершенно определенно стремится найти свой путь, выработать собственную систему взглядов, опираясь на близкие ему в некоторых отношениях учения Монтескье и Руссо, Мабли и школы физиократов.

Как и большинство современников, он придерживался теории естественного права, исходящей из представлений о естественном человеке с присущими ему от природы качествами и о естественном состоянии, в основе которого лежат эти качества. Полемизируя с Руссо, Монтескье, Гоббсом, Сен-Жюст строил свою теорию естественного состояния, которое он рассматривал как состояние общественное, а не как совокупность изолированных друг от друга индивидов; как отношение между людьми, подобно физиократам или Мабли. Причины перехода от естественного состояния к гражданскому, т.е. к "отношению потребностей" людей, Сен-Жюст усматривал в развитии торговли, земледелия и ремесла. Это приводит к тому, что "человек и

---

⁵⁹*Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Ed. Ch. Vellay, t. I, p. 232-249; Vellay Ch. Premieres luttes..., p. 831-833.*

вещи стали смешиваться в мнении общества, и люди стали неравными» как неравными были вещи". Эта связь между появлением неравенства и собственностью сближает Сен-Жюста с Руссо. Перенесение в отношения между людьми основанных на силе отношений между государствами привело людей в состояние дикости, войны всех против всех, которое, по мнению Сен-Жюста, сохранялось и в современном ему цивилизованном обществе. Произошло это не сразу; "Вначале у народов не было правительств, они имели только вождей... народ был государь и суверен. Но когда народы потеряли вкус к собраниям и занялись торговлей, возделыванием земли или завоеваниями, государь отделился от суверена. Так заканчивается общественная жизнь и начинается жизнь политическая, или соглашение". И в понимании роли соглашения Сен-Жюст решительно расходится с Руссо, утверждая, что "целью его не является ни создание, ни сохранение общества, но его подчинение".

Присоединяясь к представлению физиократов и Мабли о естественности общества, Сен-Жюст пытался соединить эти почти противоположные в иных отношениях учения. Так, соглашаясь с физиократами в том, что "человек рожден для владения", он пытался примирить это учение со взглядами Мабли, поясняя, что, если люди естественным образом объединены в общественной жизни, они не стремятся отделиться ради защиты своего домена и владения; если они объединены владением и доменом, они не стремятся отделиться от общественного организма"⁶⁰.

Синтетический характер имеет в трактате Сен-Жюста и представление о собственности. Подобно Руссо, он различал неограниченную собственность и владение, подчиненное определенной регламентации⁶¹. Как и физиократы, выделял личную собственность и земельную собственность, точнее, земельное владение⁶². Однако в целом его система достаточно своеобразна: собственность лежит в основе общественного закона, владение - в основе гражданского закона. При этом Сен-Жюст различал два вида собственности: собственность на самого себя, означающую личную свободу, и территориальную собственность, складывающуюся из всех частных владений Гражданской общины. Та и другая неделимы и не подлежат отчуждению. Если согласно естественному закону человек является собственником самого себя и владельцем своего поля, то гражданский закон регулирует пользование этой собственностью и этим владением.

Но поскольку гражданское состояние, которое является отношением потребностей людей, основывается на пользовании владением, не будет ошибкой связать владение с необходимостью удовлетворять потребности. И хотя Сен-Жюст писал, что "гражданский закон определяет правила этого владения, но он не может ни нарушать его, ни отчуждать, более того, считал, что "богатство не порождает неравенства, равенство заключается не в качестве, а в безопасности собственности и владения", он в соответствии с "Декларацией прав человека и гражданина" допускал, что общественная необходимость может пожертвовать ненарушаемостью владения - при условии обязательной компенсации владельцу. Но Сен-Жюст шел дальше: поскольку закон может регулировать владения, он может и должен в интересах общества установить максимум земельных владений, и никто не имеет права отказать покупателю, если таковой объявится, в продаже излишка сверх этого максимума, чтобы каждый мог стать владельцем и обрести отечество". Поскольку владение

---

⁶⁰ Сен-Жюст Л.А. Указ. соч., с. 252, 253, 257, 259, 261, 264.

⁶¹ Руссо Различает "владение, представляющее собой результат применения силы или право того, кто пришел первым, и собственность, которая может основываться лишь на законном документе", - Руссо Ж.Ж. Трактаты. М., 1969, с. 165.

⁶² Физиократы выделяли право личной собственности как право на удовлетворение естественных потребностей; право движимой собственности как право на вещи, созданные трудом человека; право земельной собственности как право на землю, приведенную в пригодное для земледелия состояние. Мабли признает лишь первые два вида собственности. См. Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции. М., 1977. с. 300, 61.

связывает человека с Гражданской общиной, необходимо установить также минимум владения, не подлежащий отчуждению ни при каких обстоятельствах, которым должен обладать каждый. При "мудром управлении гражданской общиной... слово "нищета" должно быть неведомо", пишет он в другом месте.

Однако он решительно выступал против каких бы то ни было насильственных мер по отношению к собственности: "Тот, кто имеет меньше, не мог бы по требовать у того, кто имеет больше, потому что владение ненарушаемо, потому что иначе пришлось бы каждый год заниматься разделом земли, и эти переделы при разделах привели бы к утрате плодородия земель"⁶³.

Социальная проблематика занимает в этом трактате в отличие от "Духа Революции" ведущее место и ценности политической экономии уступают место ценностям и нормам "моральной экономии"⁶⁴, видно, что уже в этом трактате, т.е. еще до созыва Конвента, сформировались в общих чертах основы эгалитарного общественного идеала Сен-Жюста. Но сам этот идеал был пока весьма противоречив и непоследователен, представляя собой скорее не вполне определенную мечту об очень отдаленном будущем. Политическая часть трактата осталась ненаписанной, и судить о ней можно главным образом по авторскому плану-оглавлению и очень небольшой части текста. Обращение же прежде всего к проблемам общей воли и народного суверена тета позволяет утверждать, что и в этой сфере происходит смена подхода и языка. Завершается же этот процесс уже в период Конвента, в течение первых восьми месяцев его работы.

РАЗГОВОР НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

Работа над трактатом была прервана событиями, в корне переменявшими ситуацию в стране. Восстание 10 августа 1792 г. привело к низложению короля Людовика XVI, и в тот же день Законодательное собрание объявило о созыве Национального конвента для пересмотра Конституции. Наконец-то перед Сен-Жюстом действительно открылась возможность активного участия в политической жизни страны, и теперь ничто уже не могло этому помешать - ни имущественный, ни возрастной ценз, а авторитет среди земляков был достаточно велик. 5 сентября, достигнув наконец законного возраста, он был избран в Национальный конвент 349 голосами из 600, пятым депутатом департамента Эна⁶⁵.

21 сентября 1792 г. Национальный конвент приступил к работе, и с первых же дней его заседания были отмечены ожесточенными столкновениями между двумя политическими группировками - Горой и Жирондой, столкновениями, продолжавшимися вплоть до событий 31 мая - 2 июня 1793., в результате которых к власти пришли якобинцы. Природа этого конфликта в разные времена и различными историками трактовалась по-разному: как обычная борьба честолюбий, борьба за власть, как отражение в политической борьбе социального конфликта - буржуазии и народа, крупной буржуазии и трудящихся масс - или "образованной массы и темного класса"

---

⁶³ См. *Сен-Жюст Л.А.* Указ. соч., с. 263, 265, 267, 268, 271, 275. Более подробный анализ этого сочинения см.: *Черновверская Т.А.* К вопросу об эволюции мировоззрения Сен-Жюста. - 200 лет Великой французской революции. Французский ежегодник. 1987. М., 1989, с. 16-29.

⁶⁴ Понятие "моральная экономия" было введено в начале 1970-х годов английским историком Э. Томпсоном (*Tompson E.* *The Moral Economy of English Crowd in XVIII Century.* - *Past and Present*, 1971. № 50, p. 76-136) и подразумевает систему общеправовых и моральных представлений, традиций и обычаев, сложившихся в процессе накопления народным сознанием социального опыта, и ставящую во главу угла право человека на существование - в противоположность принципу неограниченной экономической свободы, на котором базируется классическая политическая экономия. См. *Оболенская С.В.* Э.-П. Томпсон. Плебейская культура и моральная экономия. Статьи из английской социальной истории XVIII и XIX вв. - История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. е, 180-198.

⁶⁵ *Fleury Ed.* *Op. cit.*, t. I, p. 150-151.

или противостояния Парижа и провинции⁶⁶. В то же время столетие из зад французский историк А. Олар писал, что "очень трудно сказать, какими основными идеями жирондисты отличались от монтаньяров. Читая их речи, их памфлеты, их газеты, не замечаешь почти никакой разницы между культурным развитием и идеалами тех и других"⁶⁷.

Анализ текстов публичных выступлений Антуана Сен-Жюста в ноябре 1792 - июне 1793 г., а также реакции современников на эти выступления, позволяет взглянуть на конфликт Горы и Жиронды под несколько нетрадиционным углом зрения.

8 июля 1793 г. Комитет общественного спасения представил Национальному конвенту обвинительный доклад по делу жирондистских лидеров, изгнанных из Конвента в результате народного выступления 31 мая - 2 июня и подвергнутых домашнему аресту. Доклад, подготовленный во исполнение декрета от 2 июня, был в полной мере плодом коллективного творчества Комитета: 16 июня подготовка его была поручена Камбону и Сен-Жюсту, 19 июня возложена на одного Сен-Жюста, 24 июня проект доклада был прочитан на заседании Комитета, 2 июля, после обмена мнениями и внесения уточнений, окончательно утвержден им и лишь 8 июля вынесен на рассмотрение Конвента. На первый взгляд, и сам доклад, и предложенный проект декрета совершенно не соответствовали напряженности момента, когда жирондисты, бежавшие в департаменты, подняли или возглавили там восстание, фактически сомкнувшись с роялистской контрреволюцией. Не соответствовали прежде всего умеренностью выводов: репрессиям, преследованиям должны были подвергнуться лишь те, кто не только словом, но и делом причинил вред Республике, кто принял непосредственное участие в организации федералистского мятежа. "Свобода не будет жестокой к тем, кого она обезоружила", - заявил Сен-Жюст⁶⁸.

Умеренность эта отчасти становится объяснимой, если обратить внимание на то, что и текст Конституции, принятой Конвентом 24 июня 1793 г., тоже отличается меньшим радикализмом по сравнению с конституционными проектами монтаньяров. Очевидно, что якобинские лидеры сознавали необходимость мер, способных консолидировать общественные силы, смягчить противоречия между Парижем и департаментами⁶⁹. Надеждам этим не суждено было осуществиться. Но с позиции потребности в умиротворении может показаться странным и неожиданным выбор докладчика, если вспомнить, какое влияние оказали выступления Сен-Жюста в ноябре и декабре 1792 г. на принятие Конвентом решения судить короля, а затем и на сам приговор.

Однако в конфликте между Горой и Жирондой Сен-Жюст занимал на протяжении предшествовавших месяцев своеобразную позицию. Определив с самого начала работы Конвента свое место среди депутатов-монтаньяров, постоянно оспаривая в своих выступлениях мнения и проекты жирондистов по общеполитическим вопросам, он вплоть до антижирондистского восстания оставался в стороне от непосредственных парламентских и внепарламентских столкновений между двумя партиями. И позиция эта была вполне осознанной: 28 января 1793 г., через неделю после того, как приговор "бывшему королю французов" был приведен в исполнение, Сен-Жюст взывал к своим коллегам-депутатам: "Забудьте о себе. Французская революция находится между триумфальной аркой и скалой, которая всех нас может раздавить. В ваших интересах - избежать раскола. Какими бы ни были наши расхождения во мнениях, сегодня

---

⁶⁶ См.: *Гордон А.В.* Падение жирондистов. М., 1988; *Гусейнов Э.Е.* Жиронда и перспективные проблемы изучения Французской революции. - Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции (Материалы "круглого стола" 19-20 сентября 1988 г.). М., 1989, с. 175-182; его же. Жиронда в период Законодательного собрания. - *Буржуазия и Великая Французская революция.* М., 1989, с. 53-96.

⁶⁷ *Олар А.* Политическая история Французской революции. М., 1938, с. 481.

⁶⁸ *Сен-Жюст Л.А.* Указ. соч., с. 92.

⁶⁹ *Гордон А.В.* Классовая борьба и Конституция 1793 г. - *Французский ежегодник.* 1972. М., 1974, с. 155-157.

существование тиранов заставляет нас забыть о них. Мы все победим или: все погибнем"⁷⁰.

Какой же отклик встречали у жирондистов, по крайней мере у некоторых из них, выступления Сен-Жюста? Еще в ноябре 1792 г. его заметил один из лидеров партии Пьер Бриссо. После выступления Сен-Жюста "О суде над королем" 13 ноября 1792 г. Бриссо писал в своей газете "Патриот Франсэ", что "среди идей преувеличенных, свидетельствующих о молодости оратора, в речи есть блистательные места, талант, который может сделать честь Франции"⁷¹. Это была та самая речь, которая стала началом конца безраздельного господства Жиронды в Конвенте, поколебав в вопросе о судьбе "бывшего короля французов" позицию Равнины⁷². Вторая речь Сен-Жюста, произнесенная в Конвенте две недели спустя, 29 ноября, "О продовольствии", была встречена аплодисментами правой, и на следующий день "Патриот Франсэ" отмечала; "Сен-Жюст излагает вопрос фундаментально, во всех его политических и нравственных аспектах; он выказывает ум, горячность и философию, и делает честь своему таланту, защищая свободную торговлю"⁷³.

Как объяснить тот факт, что Бриссо не увидел в Сен-Жюсте потенциального политического противника? Возможно, отчасти это связано с тем, что водораздел между партиями в Конвенте не сложился еще окончательно, многие новички, в частности будущие твердые, последовательные монтаньяры, не определили в эти первые месяцы своей позиции по отношению к Горе и Жиронде. Так, Филипп Леба, впоследствии близкий друг и неизменный спутник Сен-Жюста во время миссий в Рейнскую и в Северную армии, писал отцу в октябре 1792 г. о "кое-каких раздорах, неизбежных в больших собраниях", и отдавал должное "крупным талантам" безотносительно к их партийной принадлежности⁷⁴. Не исключено также, что Бриссо надеялся привлечь на сторону своей партии молодого талантливого оратора. Да и речь "О продовольствии" с ее стихийной диалектикой не позволяла вполне определенно отнести Сен-Жюста к той или иной партии. Она получила высокую оценку и со стороны такого непримиримого противника жирондистов, как Жан Поль Марат: "Его речь свидетельствует о хорошем слоге, диалектике и дальновидности... Он очень хорошо, хотя и слишком пространно, показал, что мы далеко еще не свободны, что источником всех зол, терзающих нас, является наш эгоизм, наши пороки, что, если мы не примем предосторожностей, свобода наша станет для нас лишь горестным сном, который закончится страшным пробуждением", - писал он 1 декабря в своей "Журналь де ла Републик Франсэз"⁷⁵.

Весной 1793 г. ситуация решительным образом изменилась, позиции депутатов определились, борьба между Горой и Жирондой достигла крайней степени напряженности. И отзыв близкого жирондистам Клода Фоше за несколько дней до антижирондистского восстания кажется совершенно парадоксальным: разбирая в своей "Журналь дез Ами" дискуссию о Конвенте по конституционному вопросу, Фоше заметил относительно речи Сен-Жюста "О Конституции" 24 апреля 1793 г., что тот «изложил свои взгляды и показал талант. Если он не позволит убийцам подрезать себе крылья, он сможет подняться к высотам гения ("убийцами" Фоше называл, разумеется, мон-

---

⁷⁰ Сен-Жюст Л.А. Указ. соч., с. 39.

⁷¹ Hamel E. Op. cit., p. 117-118.

⁷² То большинство депутатов Конвента (около 500 из 749), которое, не примыкая ни к жирондистам, ни к монтаньярам, но политическим вопросам голосовало, как правило, вместе с той из политических группировок, которая в данный момент представлялась более сильной, обычно уничижительно именуют Боло том". У современников, однако, наряду с еще более уничижительным "Брюхом" в ходу было и вполне нейтральное "Равнина". Учитывая, что именно эти депутаты, работая в многочисленных комитетах, несли на себе основной груз повседневной законотворческой деятельности Конвента на протяжении всех трех лет его существования, наименование "Равнина" представляется мне более предпочтительным.

⁷³ Hamel E. Op. cit., p. 133.

⁷⁴ Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции, т. III. М., 1979, с. 518.

⁷⁵ Марат Ж.П. Избранные произведения, в 3-х т. М., 1956; т. 3, с. 186.

таньяров. – Т.Ч.)»⁷⁶. Чтобы объяснить это, не достаточно сослаться на неучастие Сен-Жюста в непосредственных межпартийных столкновениях, а говорить о подвижности границы между партиями уже не приходится.

А.В. Гордон заметил как-то, что приблизиться к пониманию истинного смысла борьбы Горы и Жиронды возможно, лишь попытавшись "воспроизвести позиции столкнувшихся весной 1793 г, сторон на том языке, который был привычен для них". И далее: "Общим для жирондистов и монтаньяров был язык Декларации прав, лозунги Свобода, Равенство. Братство, принципы Революции, Республики, Отечества; но в одни и те же понятия вкладывался различный, подчас противоположный смысл (словом, речь идет о двух разных языках с общим словарным запасом. - Т. Ч.). В этих различиях прослеживается строгая логика, определенная система, а точнее, две системы взглядов, две культурные традиции, две картины мира, за которыми угадывается два различных образа жизни"⁷⁷.

В теоретическом отношении это язык учения о разделении властей (Монтескье) - и учения о народном суверенитете (Руссо), язык политической экономии (физиократы) - и "моральной экономии". Анализируя теоретические сочинения Сен-Жюста, создававшиеся во время, предшествовавшее его избранию депутатом Национального конвента, можно заметить, как происходила у него смена языков. В трактате "Дух Революции и Конституции во Франции" преобладает язык Монтескье, хотя уже здесь появлялись и отзвуки некоторых идей Руссо. В трактате "О Природе, о Гражданском состоянии, о Гражданской общине, или Правила независимости управления" Сен-Жюст пытался выработать собственную систему взглядов, синтезируя отдельные элементы учений Монтескье и Руссо, Мабли и физиократов. Сен-Жюст - депутат Конвента говорил уже на языке принципов народного суверенитета и "моральной экономии", но говорил как бы "с акцентом" теории разделения властей и политической экономии, и потому носителями обоих языков воспринимался не вполне адекватно.

"ДАТЬ НАРОДУ ОТЕЧЕСТВО"

Именно обоих. Бриссо попытался увидеть в нем союзника. И в то же время в феврале 1793 г., когда речь "О продовольствии" была выпущена отдельной брошюрой, а поднятые в ней проблемы обрели большую актуальность, чем в ноябре 1792 г., Сен-Жюст сделался объектом нападков со стороны "бешеных", причем за то же самое, за что его в ноябре хвалил Бриссо - за защиту принципа свободы торговли⁷⁸. Лишь Марат, сам переживший глубокое увлечение идеями Монтескье, оказался в состоянии более верно понять его; как раз в начале марта он повторил один из основных выводов Сен-Жюста - главное зло в избытке бумажных денег, а также его предложение об уплате государственного долга путем выдачи кредиторам краткосрочных долговых обязательств, которые принимались бы в уплату только при покупке национальных имуществ⁷⁹.

Можно предположить, что лидеры Жиронды были среди тех "просвещенных политиков", которые "заметили" и "в считанные дни раскупили" первый трактат Сен-Жюста "Дух революции"⁸⁰. Если так, то вполне естественно, что и воспринимали они выступления Сен-Жюста на том языке, на котором трактат написан, и рассматривали автора скорее как своего возможного единомышленника.

Обычно позиция Сен-Жюста и в социально-экономическом, и в политическом от-

⁷⁶ Dautry J. Sain-Just et l'abbé Fauchet. - ANRF, 1959. № 122, p. 189-190.

⁷⁷ Гордон А.В. Иллюзии-реалии якобинизма. - Сен-Жюст Л.А. Указ. соч., с. 368. Использован первоначальный рукописный вариант статьи.

⁷⁸ См., например: Петиция парижских секций, представленная Национальному конвенту 12 февраля 1793 г. - Захер Я.М. Великая французская революция. Учебник и хрестоматия. 3-е изд. Л., 1926, с. 80; Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Ed. Ch. Vellay. t. I, p. 410-411.

⁷⁹ Marat J.P. Textes choisies. Paris, 1975, p. 232-234. См. также: Солтановская Т.Г. Жан Поль Марат и "бешеные" весной 1793 г. - Вопросы новой и новейшей истории, вып. 23. Киев, 1983, с. 77.

⁸⁰ Barère B. Op. cit., p. 374.

ношении даже в самые первые месяцы работы Конвента существенно отличалась от позиции Жиронды. Это видно из текста двух его программных речей — "О продовольствии" и "О конституции", которые и встретили сочувственный отклик у жирондистов. Хотя в отношении рассматриваемой проблемы эти две речи не равнозначны: если речь "О Конституции" с предельной четкостью разъясняла суть противоречий между Горой и Жирондой в политико-правовой сфере, то речь "О продовольствии" сама имеет переходный и потому противоречивый характер: языком политической экономии Сен-Жюст пытался толковать о проблемах, относящихся скорее к сфере "моральной экономии".

Употребляя в речи "О продовольствии" ключевые положения политической экономии: "Мне не нравятся насильственные законы о торговле"; "правильна та мысль, что свобода торговли - мать изобилия"; "те, кто предлагает нам неограниченную свободу торговли, высказывают великую истину" и т.п.⁸¹, — Сен-Жюст вольно или невольно именно к ним привлекал внимание своих слушателей или читателей. Даже Робеспьер, выступавший по продовольственному вопросу тремя днями позже, отнес его, не называя имени, к защитникам неограниченной свободы торговли, на которых и обрушил самую резкую критику⁸².

Речь Сен-Жюста свидетельствует не просто об основательном знакомстве автора с современной ему политической экономией. Экономические теории служили ему основой для анализа положения в стране, и анализ этот оказывается весьма глубоким и полным. Однако, рассуждая о свободе торговли и о "путях, связывающих эту свободу", Сен-Жюст в отличие от большинства участников дискуссии в Конвенте о продовольствии в ноябре - начале декабря 1792 г. никак не связывает эту свободу с понятием собственности. Общим пороком, который "подорвал основы нашей торговли и нашего земледелия"⁸³, он считает безудержный выпуск бумажных денег и стремится найти такое решение продовольственной проблемы, которое было бы приемлемым и для крестьян-хлебопроизводителей, и для потребителей.

Чтобы продовольствие появилось на рынке, необходимо сделать так, "чтобы пахарь больше тратил - или не отказывался накапливать бумагу"⁸⁴, т.е. ассигнаты. Сен-Жюст и в этой речи, и в других своих сочинениях систематически не желал употреблять применительно к ним слово "деньги", называя ассигнаты либо "бумагой", либо в лучшем случае "знаками". Однако земледельцу нет необходимости "продавать, чтобы жить на свои доходы", и побудить его вывозить зерно на рынок может либо необходимость выплачивать налоги и арендную плату, либо потребности, выходящие за пределы простых и естественных. Потому-то Сен-Жюст в противоречии с демократической традицией отказывался осуждать "роскошь пахаря" ("Я не сужу о том, является ли роскошь сама по себе благом"). По его мнению, "если бы мы были столь счастливы, чтобы пахарь действительно любил роскошь, ему пришлось бы продавать свой хлеб, чтобы позволить себе излишества". А это значит, что "в Республике... необходимо или допустить роскошь, или ввести жесткие законы против пахаря, которые погубят Республику"⁸⁵. Здесь Сен-Жюст как будто не выходит за пределы традиций экономического либерализма.

Но Сен-Жюст рассматривал проблемы роскоши и с другой стороны. Производство предметов роскоши было одной из ведущих отраслей французской экономики "Старого порядка", и упадок, переживаемый этой отраслью с начала революции, затронул и значительную часть купечества, и непосредственных производителей: "Что делает сейчас множество людей, живших за счет привычек богача?.. Спросим себя,

---

⁸¹ Сен-Жюст Л.А. Указ. соч., с. 16, 17, 20.

⁸² Робеспьер М. Избранные произведения, в 3-х т. М., 1965; т. II, с. 128-129.

⁸³ Сен-Жюст Л.А. Указ. соч., с. 16, 17.

⁸⁴ Там же, с. 20. Сен-Жюст употребляет термин "laboureur", обозначающий представителей крестьянской верхушки - своего рода промежуточную категорию между крупными фермерами и крестьянской массой, "полнонадельных".

⁸⁵ Сен-Жюст Л. А. Указ. соч., с. 20.

может ля масса людей, живших еще недавно за счет излишеств, роскоши, пороков другого класса, может ли она теперь существовать за счет одних лишь собственных потребностей?"⁸⁶. Здесь явственно слышится отзвук петиции рабочих Лиона, зачитанной в Конвенте в начале ноября 1792 г.: "Мы просим лишь работы, чтобы иметь хлеб... Роскоши больше нет, и она оставила после себя большую пустоту, но Лион сильнее, чем другие города, испытал последствия этого исчезновения"⁸⁷. (Лион был крупнейшим центром производства бархата и шелка.) Это уже определено "морально-экономический" подход.

Противопоставляя "нормальную" честную торговлю и спекуляцию, Сен-Жюст тоже как будто не вступал в противоречие с идеологами Жиронды (Верньо, Бриссо), известными как последовательные сторонники экономического либерализма. Еще зимой 1791-1792 гг. они выступали против финансовых спекулянтов и скупщиков, нарушавших естественные условия хозяйствования в стране и вызывавших недовольство народных масс, поскольку для предпринимательской буржуазии, интересы которой представляла Жиронда, нормой является спокойное, осуществляемое в условиях экономической стабильности накопление⁸⁸. В отличие от них, для Сен-Жюста неограниченная свобода торговли хороша лишь в качестве "общего тезиса", поскольку "наши продовольственные запасы исчезали по мере того как распространялась наша свобода, ибо мы увлеклись принципами свободы и пренебрегли принципами управления, наша свобода — дочь нищеты", "нищета породила Революцию, нищета может ее и погубить", "если вы хотите основать Республику, вы должны позаботиться о том, чтобы вывести народ из состояния неуверенности и нищеты, которые его развращают", "все хотят Республики, никто не хочет ни бедности, ни добродетели. Можно сказать, что свобода ведет войну с моралью и хочет властвовать наперекор морали". "Мораль" здесь отнюдь не абстрактная категория: она "должна быть теоретической основой законов, прежде чем стать основой гражданской жизни... Растворенная, так сказать, в законах, она склоняет всех к мудрости, устанавливая справедливые отношения между гражданами". Свобода в свою очередь "не может править государством", "если отсутствует закон". Свобода, в частности свобода экономическая, не является для Сен-Жюста уже в это время абсолютной и безусловной ценностью, и сама должна подчиняться разумным законам, основанным на морали и природе, на принципах "независимости и сохранения"⁸⁹, гарантией свободы фактически является равенство в возможности удовлетворять первоочередные потребности.

Позиция Сен-Жюста представляется значительно более близкой позиции Беффруа или Робеспьера, поставивших право на жизнь выше права собственности⁹⁰, нежели позиции жирондистов, отстаивавших неограниченную свободу хлебной торговли. Заявив в самом начале, что ему "не по душе насильственные законы о торговле", Сен-Жюст на протяжении всей речи неоднократно подчеркивал, что "изобилие есть плод хорошего управления; а его-то нам и не хватает", что "изобилие возникает благодаря совокупному действию всех законов"⁹¹ и т.п. Можно сказать, что он выступает не столько против каких-либо ограничений свободы торговли, "не столько против вмешательства государства в экономические дела, сколько против неэффективности частных вмешательств"⁹². И потому он призывал своих коллег-депутатов как можно скорее принять "совершенную конституцию, которая связала бы воедино все интересы"⁹³.

---

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Жорес Ж. Указ. соч., т. 111, с. 326.

⁸⁸ Гусейнов Э.Е. Жиронда и перспективные проблемы..., с. 180; *его же*. Жиронда в период Законодательного собрания, с. 88-91.

⁸⁹ Сен-Жюст Л.А. Указ. соч., с. 16-21, 253-254.

⁹⁰ Жорес Ж. Указ. соч., т. III, с. 420; Робеспьер М. Указ. соч., т. II, с. 128.

⁹¹ Сен-Жюст Л.А. Указ. соч., с. 16. 21.

⁹² Michalet Ch. Economic politiques chez Saini-Just L'exemple de l'inflation révolutionnaire. - Actes, p. 186.

⁹³ Сен-Жюст Л.А. Указ. соч., с. 21.

ПРОТИВ "КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ МИНИСТРОВ"

Принципы будущего государственного устройства Французской республики были одной из главных проблем, занимавших Сен-Жюста на протяжении следующих шести месяцев. Он касался некоторых вопросов организации власти, выступая 28 января и 12 февраля 1793 г. В феврале его включили в состав Конституционной комиссии Якобинского клуба. 24 апреля, после того как по решению Конвента от 15 апреля 1793 г. конституционные вопросы стали выноситься на обсуждение "каждые понедельник, среду и пятницу"⁹⁴ и начались прения по проекту, представленному от имени Конституционной комиссии Конвента Жаном Антуаном Кондорсэ 15 февраля, Сен-Жюст предложил коллегам собственный проект Конституции и его обоснование. Проект этот он систематически и последовательно противопоставлял проекту Кондорсэ, объясняя в своей речи суть и смысл противопоставления.

Общим для обоих проектов, как, видимо, и для большинства проектов, вынесенных на обсуждение в эту весну, было признание выборов на основе всеобщего избирательного права универсальным способом формирования всех органов власти в государстве - и центральных, и местных. Но принципы, на которых Кондорсэ и Сен-Жюст строили свои проекты, различны: для первого основой являлся принцип разделения властей, как он сформулирован Монтескье, для второго - принцип народного суверенитета Руссо. Этот принцип лежит и в основе якобинской Конституции 1793 г., в создании которой Сен-Жюст принял самое деятельное участие как член Конституционной комиссии Комитета общественного спасения, учрежденной 30 мая 1793 г.

На основе учения о народном суверенитете верховная власть народа реализует себя через законодательствующую общую волю, а власть исполнительная остается лишь "служительницей" суверена. Такое положение вещей соответствует республиканскому принципу правления. Именно с этой позицией связано широко распространенное в первые годы революции определение государственного устройства Франции как "республиканской монархии" (или "республики с монархом")⁹⁵ - по Конституции 1791 г. король как глава исполнительной власти провозглашался наряду с Законодательным корпусом просто уполномоченным, представителем нации⁹⁶.

Это означает, что последовательно проводимый в проекте Кондорсэ принцип равновесия и независимости властей вступал в противоречие с принципом народного суверенитета в руссоистском его понимании. Еще большие противоречия создавал предусматриваемый этим проектом способ формирования органов законодательной и исполнительной властей - прямые, хотя и по-разному организованные выборы на всех уровнях. Каждый министр - член Исполнительного совета должен был выбираться всеми гражданами Республики, что делало его представителем всего французского народа как целого. В то же время члены Законодательного собрания должны были избираться по департаментам и являться соответственно представителями лишь своего департамента⁹⁷. В итоге "издает законы *федеративное* представительство, а исполняет их совет *представителей*" (подчеркнуто Сен-Жюстом. - Т. Ч.).

Такое положение вещей ставило Исполнительный совет выше законодательного корпуса и создавало своего рода "королевскую власть министров", ибо "королевская власть не есть правление одного человека. Она находит воплощение в любой силе, которая и принимает решения, и управляет"⁹⁸. В том, что аргументация Сен-Жюста соответствовала культурной традиции эпохи, убеждает тот факт, что два года спустя, когда уже термидорианский Конвент обсуждал организацию исполнительной власти

⁹⁴ Олар А. Указ. соч., с. 353.

⁹⁵ Там же, с. 187.

⁹⁶ Документы истории Великой французской революции, т. 1. М., 1990, с. 116-117.

⁹⁷ Там же, с. 171, 172.

⁹⁸ Сен-Жюст Л.А. Указ. соч., с. 47.

в новой Конституции, сходные аргументы были использованы Ж. Майлем⁹⁹. Сен-Жюст рассматривал Совет министров как орган, наделенный возможностью принимать коллегиальные решения и потому способный осуществить узурпацию верховной власти суверена. Поэтому в собственном проекте Конституции он предусматривал раздробление исполнительной власти, разделение функций Исполнительного совета и ответственных перед ним министров, которые совета не образуют¹⁰⁰.

Проект Кондорсэ нарушал в соответствии с учением о народном суверенитете не только принцип верховенства народа, но и принцип неделимости суверена, поскольку избранные прямым голосованием органы местной административной власти¹⁰¹ становились бы представительными органами по отношению к отдельным частям суверенного народа, а это означало дробление суверена. Сен-Жюст усматривал нарушение принципа неделимости суверена даже в "федеративном" способе избрания членов Законодательного собрания по департаментам. Поэтому в своем проекте он предлагал способ, почти не поддающийся реализации - избрание депутатского корпуса всеми гражданами Республики по общему списку, а не по избирательным округам; а членов Исполнительного совета - собраниями выборщиков каждого департамента¹⁰², так что его проект становился как бы зеркальным отражением проекта Кондорсэ. Конституция 1793 г. сохранила этот подход к способу формирования органов государственной власти, предусмотрев прямые выборы только для Законодательного собрания, а также для низшего звена местной администрации, наделенного лишь отдельными функциями управления и не способного претендовать на то, чтобы представлять часть суверена; и косвенные, в несколько ступеней, выборы для исполнительной власти и для административного корпуса, дабы лишить их характера представительства¹⁰³.

Таким образом, применение исключительно прямых выборов (проект Кондорсэ) или сочетание прямых и косвенных выборов (проект Сен-Жюста, Конституция 1793 г.) свидетельствуют не о большем или меньшем демократизме избирательной системы, а о различных принципиальных основах их формирования. Но признание этого различия, понять которое и помогает речь Сен-Жюста "О Конституции", позволяет несколько по-новому взглянуть на некоторые детали взаимоотношений между Горой и Жирондой.

Среди обвинений, выдвигавшихся монтаньярами против жирондистов, одно из центральных занимало обвинение в монархизме и федерализме. Предъявляя его, монтаньяры апеллировали прежде всего к таким фактам, как исключительно быстрая адаптация их политических противников к режиму конституционной монархии в период работы Законодательного собрания и первых жирондистских министерств весны-лета 1792 г. или стремление жирондистов осенью 1792 - весной 1793 г. опереться на департаменты против Парижа, на который опирались монтаньяры, а позже - разжигание федералистского мятежа. Жирондисты, искренне отвергая эти обвинения демонстрировали их несовместимость. "Роялист, с точки зрения нашего языка, - писал в июле 1793 г. Ж.Б. Салль, - это человек, требующий короля. Федералист - это сумасбродный республиканец, желающий разделить Францию на восемьдесят пять независимых государств с риском увидеть их постоянно раздираемыми войнами". Быть одновременно роялистом и федералистом так же невозможно, как быть одновременно безбожником и верить в Бога¹⁰⁴. Салль, а вслед за ним Ф. Бюзо, обращались к практике и здравому смыслу. Сен-Жюст же еще в речи "О Конституции" продемонстрировал совместимость этих двух понятий на основе теории народного суверенитета. И у каждого из них была своя правота. Но в сфере политической, как и в сфере

---

⁹⁹ Бовыкин Д.Ю. "Ни короля, ни анархии". Исполнительная власть и Конституция III года Республики. - Исторические этюды о Французской революции. М., 1998, с. 205.

¹⁰⁰ Сен-Жюст Л.А. Указ. соч., с. 57, 59.

¹⁰¹ Документы истории ..., с. 170.

¹⁰² Сен-Жюст Л.А. Указ. соч., с. 54, 57.

¹⁰³ Там же, с. 220, 223, 224.

¹⁰⁴ *Vatcl Ch. Op. cit.*, p. CIV-CV.

социально-экономической. жирондисты и монтаньяры разговаривали на разных языках, не понимая и/или не желая понять друг друга.

Что же до Фоме, то он не воспринимал Сен-Жюста как политического противника скорее всего потому, что и сам находился вдали от центра межпартийной борьбы, а поиск путей соединения руссоистской теории и реальной практики государственного строительства, столь характерный для выступлений Сен-Жюста, увлекал и его¹⁰⁵.

* * *

Луи Антуан Сен-Жюст по праву считается одним из ведущих теоретиков якобинизма. Именно поэтому анализ эволюции его мировоззрения в период, предшествовавший установлению якобинской диктатуры, позволяет поставить под сомнение распространенный тезис о том, что якобинцы, придя к власти в результате переворота 31 мая - 2 июня 1793 г., приступили к реализации некоей социально-политической программы, основанной на теории Руссо. Во имя преобразования общества и человека в соответствии с этой программой и осуществлялись ими, согласно данным представлениям, расправы со всеми, кто выражал несогласие с этой политикой. Сомнение вызывает наличие такой программы, да и степень, характер восприятия идей Руссо, как и других теоретиков эпохи Просвещения, якобинскими лидерами нуждается в дополнительном исследовании¹⁰⁶. Во всяком случае у Сен-Жюста заранее разработанной программы преобразований мы не обнаруживаем, но система взглядов на проблемы окружающего мира, сформировавшаяся в предшествующие годы, в значительной степени определила характер его подхода к решению тех конкретных задач, с которыми ему пришлось столкнуться в практической деятельности в качестве члена Комитета общественного спасения или правительственного комиссара при армиях.

8 июля 1793 г. Сен-Жюст впервые выступил в качестве "порт-пароль" Комитета общественного спасения. По мере того как Комитет обретал черты главного органа революционного правительства, Сен-Жюст становился в нем одной из центральных фигур. Когда к концу лета стало очевидно, что внешняя опасность и размах внутренней контрреволюции делают невозможным немедленное введение в действие Конституции, в создании которой он принимал столь деятельное участие, именно Сен-Жюсту было поручено представить Конвенту доклад о необходимости сохранить во Франции революционный порядок управления до заключения мира. В этом докладе сошлось как в фокусе все то, что занимало его помыслы со времени вступления на общенациональную политическую сцену, но наряду с изложением принципов построения Революционного правительства Сен-Жюст провозгласил в нем своего рода кодекс комиссара Конвента при армии, тот кодекс, который лег в основу прежде всего его собственной деятельности во время миссий в Рейнскую и Северную армии. Миссии Сен-Жюста считаются едва ли не самыми успешными и плодотворными в истории революции - не только из-за их собственно военных результатов, но и потому, что, осуществляя социальные мероприятия в интересах низших слоев населения, вводя принудительные займы на богатых и выделяя часть полученных таким образом средств на оказание помощи "неимущим патриотам", опираясь при этом на народные общества и их революционные комитеты, он сумел мобилизовать на защиту отечества почти все население прифронтовых департаментов.

Немалую роль сыграли здесь личные качества Сен-Жюста, но большое значение имело и то, что он действовал во время своих миссий не как рядовой депутат, пусть и облеченный чрезвычайными полномочиями, а как член правительственного Комитета.

---

¹⁰⁵ См. о Фоме: Барни Р. Фоме и "Социальный кружок". - Французский ежегодник. 1983. М., 1985, с. 149-174.

¹⁰⁶ См. Якобинство и исторических итогах Великой французской революции. - Новая и новейшая история, 1996, № 5, с. 89-90.

Влияние Сен-Жюста в самом Комитете общественного спасения особенно возросло весной 1794 г. Кое-кто из современников склонен был даже утверждать впоследствии, что "Сен-Жюст играл в нем большую роль, чем сам Робеспьер"¹⁰⁷. Он взял на себя обоснование таких важнейших социально-политических мероприятий, как вантозские декреты, предусматривавшие конфискацию имущества, в частности земли, у лиц, признанных врагами революции, и передачу его в руки "неимущих патриотов"; или полтора месяца спустя обосновывал необходимость стабилизации режима и поворота к либерализации экономики в докладе 26 жерминаля "Об общей полиции".

Ему же, Сен-Жюсту, поручает Комитет обвинительные доклады сначала против "крайних" - эбертистов, затем против "умеренных" - дантонистов. Та роль, которую сыграл Сен-Жюст в политической жизни Республики весной 1794 г., представляется порой даже историкам, симпатизирующим робеспьеристам, несколько зловещей: четыре обвинительных доклада в Конвенте менее чем за месяц; три политических процесса над ведущими деятелями революции, ответственность за которые он во многом взял на себя, сделали Сен-Жюста едва ли не главной фигурой политики Террора.

И, пожалуй, именно весной 1794 г., когда вслед за принятием вантозских декретов был нанесен удар по левому крылу якобинского блока и по парижским секциям, с особой отчетливостью проявилась противоречивость позиции робеспьеристов.

В настоящее время нет оснований сомневаться в искренности стремления робеспьеристов, и в первую очередь Сен-Жюста, инициатора вантозских декретов, удовлетворить нужды "неимущих патриотов" за счет собственности врагов революции. Но, говоря словами А. Собуля, "Сен-Жюст оставался в плену своих противоречий: он слишком хорошо сознавал интересы буржуазии, чтобы неразрывно связать себя с санкюлотами, но слишком внимательно относился к нуждам санкюлотов, чтобы завоевать расположение буржуазии"¹⁰⁸. Трагедия Сен-Жюста в том, что представавший перед ним идеал общества будущего, за который он боролся, все более входил в противоречие не только с существовавшим положением вещей, но и с теми реальными перспективами развития общества, которые он уже начинал ощущать. И не кроется ли одна из основных причин его загадочного молчания и пассивности 9 термидора в интуитивно осознанной им невозможности изменить направление этого развития?

Жизнь Луи Антуана Сен-Жюста оборвалась на гильотине 28 июля 1794 г.

---

¹⁰⁷ *Levusseur R. Memoires*, 1. 2. Paris, 1829, p. 324.

¹⁰⁸ *Soboul A. Introd. - Saint-Just L.A. Discours et rapports*, p. 37, 38. Характеристика эта, данная первоначально Сен-Жюсту, была впоследствии распространена автором на робеспьеристскую группу в целом. - *Собуль А. Первая Республика*. М., 1974, с. 155-156.